

Цветова Наталья Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.tsvetova@spbu.ru

Л. И. Бородин в поисках *третьей правды*

Для цитирования: Цветова Н. С. Л. И. Бородин в поисках *третьей правды*. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021, 18 (4): 697–712.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.404>

Статья посвящена смысловой структуре и поэтике повести Л. И. Бородина «Третья правда». Автор предпринимает попытку прочтения «Третьей правды» с привлечением актуальных методик мифопоэтического анализа. Внимание сосредоточено на смысле названия, ключевых художественных концептах и ключевом персонажном ряде Рябинин — Селиванов — Оболенские. Подробно исследуется поэтика имени персонажей, художественное пространство, которое им принадлежит. Базовым назван онтологически важный для писателей-сибиряков художественный концепт «тайга», позволяющий транслировать характерное отношение к миру природы. В ассоциативном поле концепта выявляются обладающие аксиологической семантикой компоненты. Автор приходит к следующим выводам: Бородину удалось зафиксировать во взаимоотношениях основных персонажей приближающееся завершение героического этапа национальной истории; получилось показать в судьбе Селиванова отражение трагизма новой, «городской» реальности, подавляющей национально-исторические инстинкты, деформирующей аксиологические основы бытия. Автор статьи полагает, что самое важное для писателя в трагических судьбах Рябинина, Селиванова, Оболенского — отрицание возможности обретения человеком в новых социальных и исторических условиях той степени свободы, которая дает «сыну неба и земли» возможность жизнеустроительства в соответствии с «третьей», читай, подлинной и единственной правдой, предполагающей совмещение «Божьей воли, природно-космического и естественно-исторического начал» (Ю. Н. Давыдов). Преодолеть цивилизационное давление никому из героев «Третьей правды» не удастся. Рябинин уничтожен физически. Погибают утратившие свое время и пространство Оболенские. Нравственные потери на пути преодоления несет Селиванов. Выход из цивилизационного конфликта видится только в авторской жизненной стратегии, которая определяется пониманием правды как этического выбора в пользу справедливости.

Ключевые слова: Л. И. Бородин, *Третья правда*, герой-трикстер, персонажный ряд, цивилизационный выбор.

Введение

Поводом для возвращения к творчеству Л. И. Бородина (1938–2011) можно считать скорбную дату — в 2021 г. исполняется десять лет с момента ухода из жизни удивительного человека и замечательного писателя, на протяжении многих лет возглавлявшего «толстый» журнал «Москва». Но истинная причина актуализации литературного наследия прозаика — необходимость продолжения работы над пол-

ной и максимально объективной историей русской литературы XX в. До сих пор при выполнении этой задачи одни специалисты ориентировались на презентацию двух генеральных тенденций послевоенного литературного развития, которые были представлены в известном научно-публицистическом диалоге Ф. А. Абрамова и А. Д. Снявского — в статьях «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и «Что такое социалистический реализм» (1957). Как известно, Абрамов отстаивал необходимость возвращения русской прозы в пространство литературной традиции, Снявский говорил о необходимости модернизации литературных техник. Об этом мы писали достаточно подробно [Цветова 2020]. Противостояние было абсолютно очевидным. Одна из интерпретаций этого противостояния принадлежит Л. И. Бородину, утверждавшему, что литература либо «способствует устремлению человека к идеальному бытию», либо «отвлекает его образцами фантастических, то есть попросту выдуманных сюжетов, сколь бы ни претендовали эти сюжеты на обобщение и типизацию»¹. Представители второй, более многочисленной, группы литературоведов пытались забыть об этом диалоге и представить только одно из обозначенных направлений литературного развития как доминирующее.

Но прошедшие десятилетия не дают возможности сосредоточиться только на генеральных установках литературного развития, даже самых значительных. Дело в том, что именно в «оттепельную» эпоху литературное многоголосие становится почти таким же масштабным, как в первое постреволюционное десятилетие. Возникает несколько идеологических (имеется в виду художественная идеология) ядер, а между противоборствующими позициями с достаточной отчетливостью оформляются множественные переходные, отношение к которым в публичном пространстве складывается разное. Примеров много. Так, почти не говорят о создателях «лирической прозы», сосредоточившись на менее значительной в художественном отношении прозе «молодежной». Из литературной обоймы, представляющей третью волну русской эмиграции, почти исключена чрезвычайно значительная и интересная фигура Н. М. Коржавина; из описания поэтических школ второй половины XX в. — литературное наследие К. А. Некрасовой. Наконец, в историко-литературном вакууме оказались имена литераторов, перед которыми даже в расцвет «оттепельной» эпохи «не открылись двери» (С. Лен). Такой вакуум до сих пор сопровождает явление, упоминаемое в знаменитой когда-то статье А. А. Амальрика — выдающегося романизатора новой русской революционной идеи, установка на воплощение которой станет определяющей в годы перестройки. Статья называлась «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969). Одна из ключевых идей Амальрика — утверждение о существовании не двух (традиционалистской и либеральной), а трех идеологических платформ для демократизации общественного пространства. Третья, на многие годы и десятилетия преданная забвению, — «христианская идеология славянофильского типа» как оригинальный вариант осмысления нового «городского» порядка, основанного «на стремлении человека к благополучию и инстинкте самосохранения» [Амальрик 1969], «христианская доктрина развития общества», определявшая программу тайной политической ор-

¹ Цит. по: Бородин Л. Без выбора. Автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003 [Бородин 2003]. (Далее — Без выбора.) С. 421.

ганизации ВСХОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа) [Целовальников 2005: 265].

Сторонники христианской доктрины с момента ее оформления обрели жесткую оппозицию. Оппозитивные аргументы четко сформулированы в лондонском издании знаменитой монографии Г. Ц. Свирского, посвященной «литературе нравственного сопротивления». Свирский писал: Россию «под националистическими или религиозными знаменами не поднять, не очистить от скверны. Можно лишь потопить в крови». Он же зафиксировал алгоритм всеобщей борьбы против литературных «христианизаторов» России: они «исчезли из обихода... их не ругали: ругань привлекла бы внимание... их просто не упоминали, отбросили, по сути — уничтожили» [Свирский 1979: 565].

Третья идеологическая платформа в разных формах и вариантах была представлена не только в творчестве литераторов — членов ВСХОН, но и в произведениях немногих писателей-традиционалистов, прозаиков, благодаря которым завершается начавшийся в 1960-е гг. процесс превращения провинции в «середины русской земли», в центр литературной жизни. Бородину в этой плеяде всегда принадлежало особое место.

Совсем не случайно два солидных тюремных срока по политическим статьям не послужили основанием для полного сближения Бородина ни с яростными защитниками «патриотической идеи», ни с либерально-литературной тусовкой, а значительный и достаточно разнообразный московский круг общения, который складывается к началу 1990-х, судя по «автобиографическому повествованию» «Без выбора» (2003), объяснялся полным погружением в журнальное дело. В жаркое для многих литераторов время самоопределения ни на мгновение не изменявший себе Бородин создавал новую «Москву», точно определив ориентацию журнала: «традиционализм в литературе; корректность в публицистическом слове; в политике — поиск форм русской государственности и, наконец, Православие как национальная форма мировидения и миропонимания» (Без выбора. С. 376).

Методология исследования

Присутствие Бородина в литературном пространстве с 1990-х гг. становится очень заметным. О нем пишут Л. А. Аннинский, А. Л. Агеев, Е. А. Шкловский, С. Ю. Куняев, В. Г. Бондаренко, А. Н. Варламов, Ю. М. Кублановский и др. В 1999 г. выходит первое монографическое исследование художественной философии писателя, ядром которой признается православная аксиология [Казанцева 1999].

Начало XXI в., казалось, пообещало развитие и углубление исследовательского интереса. Новое поколение историков литературы и литературоведов сосредоточилось на «философских исканиях автора и героев» (Л. А. Нестерова), на проблеме национального характера (В. И. Дружинина), на жанрово-стилевом своеобразии прозы Бородина (Н. Л. Федченко), но этот интерес оказался недолговременным и неустойчивым.

Наша задача — возвращение в зону историко-литературного поиска повести Бородина «Третья правда» (1979; 1981 — Германия; 1984 — Германия, 1991 — Россия) как литературного произведения, в котором с наибольшей очевидностью представлена творческая индивидуальность писателя — уникальная художественная

философия в оригинальной и совершенной художественной форме. При целостном прочтении повести с использованием актуальных методик мифопоэтического анализа [Цветова 2018] становится очевидно, что эта повесть не только воплощает мировоззренческие константы, определявшие жизненное поведение Бородин и его единомышленников, не только напрямую соотносится с уникальной эстетической реальностью, созданной прозаиками-традиционалистами, но и является серьезным материалом для аксиологически ориентированного поиска оснований для продолжения национальной истории.

Анализ текста

В сильную позицию начала текста — в название — Бородин в качестве опорного слова выводит существительное *правда*. Особое положение этого концепта в жизненной и художественной философии Бородина было зафиксировано в обосновании Солженицынской премии, присужденной ему в 2002 г. «за последовательность и мужество в поисках правды». Идеологическую сущность «Третьей правды» сам Бородин подчеркивал неоднократно:

«Поиск правды» — наиболее характерная черта моих героев... Правда одна... И когда я писал эту повесть, слова «третья правда» у меня стояли в кавычках, это потом уже в издательстве их сняли. Селиванов не находит правды, и правда Рябинина тоже неполна, потому что он пришел в христианство в нечеловеческих условиях, и это тоже отразилось на нем, не случайно последняя вспышка гнева, которая приводит к смерти» [Серафимова 2018: 28–29].

Если читатель достаточно искушен, то хранит в памяти и авторские признания о том, что «обуян» он поиском правды с молодости («Я готовился жить только по правде»), и авторскую подсказку из последующего откровения: «Русская правда... должна быть сохранена в душах для необходимого, сначала бы душевного возрождения. А там, глядишь, дорастем и до духовного» (Без выбора. С. 196).

Оставим пока желание литератора подчеркнуть условность ключевого художественного концепта. Оставим без внимания столь опасное для писателя-«моралиста» (А. Л. Агеев) стремление к прямому руководству читательским восприятием текста, ибо известно, что откровенный писательский комментарий может деформировать, обеднять сюжет. Но постараемся не забыть о декларируемой связи возможности достижения *правды* с национальным *духовным возрождением*.

Сюжетную интригу Бородин закладывает в названии и комментирует в установочном монологе одного из ключевых персонажей, обращенном не столько к собеседнику, сколько к читателю: «А ты, поди, думал, что у тебя вся правда на ладошке?»² Далее герои рассуждают о существовании *правды белой, красной, о правых и виноватых*.

Современная русская лексикография интерпретирует слово *правда* как многозначное. В основных значениях *правда* соотносится с *истиной* [ССРЯ: 594]. В длившемся всю жизнь диалоге центральных персонажей (егеря Ивана Рябинина

² Цит. по: Бородин Л. И. Повесть странного времени: Повести. М.: Современник, 1990 [Бородин, 1990]. (Далее — Повесть.) С. 149.

с «вольным» охотником, таежным добытчиком Андрианом Селивановым) правда интерпретируется в прямой соотнесенности с текстовой репрезентацией идеологического концепта «справедливость». Ключевая характеристика непокорного и непокоренного егеря — «справедливый был» (Повести. С. 68), но судьба выпала ему «недобрая и несправедливая» (Повесть. С. 66). Во имя справедливости Селиванов спасает Людмилу, всю свою жизнь служит Ивану. Справедлив бывший белый офицер Оболенский в оценке своего дела и своих сподвижников. Для героев Л. Бородина справедливость, провозглашенная новой российской властью ключевым социальным принципом, — высшая «духовная ценность», «истина на деле», «добро или благо» [Степанов 1997: 318]. Трансляция именно этой идеи, судя по приведенному выше писательскому признанию, напрямую связана с замыслом повести.

Замысел подчеркивался, усиливался с помощью прилагательного *третья*, которое в данном случае не является логическим определением — «концептом последовательности» [Степанов 1997: 367]. Интерпретация эпитета возможна только в логике В. Н. Топорова, напоминавшего о том, что число три — «образ абсолютно совершенства... основная константа мифопоэтического макрокосмоса и социальной организации... точная модель сущностей, признаваемых идеальными» [Топоров 2014: 474]. Именно поэтому, бородинская «третья правда» воспринимается как аллюзия к «Русской Правде», к шукшинскому «Нравственность есть Правда», к «Клятве о правде», записанной в 1976 г. в дневнике Ф. А. Абрамова, может быть, к солженицынскому «жить не по лжи».

В основе художественной философии писателя — правда общенациональная, сформировавшаяся в результате многовекового опыта совмещения интересов людей, смыслом существования которых было жизнестроительство, жизнеустройство. Селиванов, герой, включенный в базовую для сюжета повести персонажную антитезу, с невероятной горячностью произносит слова, под которыми мог бы подписаться в конце концов Григорий Мелехов (М. А. Шолохов, роман «Тихий Дон»): «Ведь красные и белые молотили друг друга мужиком, а если бы он своей правде верен оставался, что тогда было бы?» (Повесть. С. 116).

Основные результаты восстановления этой жизнеспасительной общенациональной правды были зафиксированы писателем в сложнейшем художественном концепте, который, перефразируя Ю. С. Степанова, можно определить как «сгусток художественной философии». Смысловая структура этого концепта презентована в нескольких сюжетных элементах, транслирующих архетипическую основу повествования. Базовый из этих элементов — персонажный ряд «Рябинин — Селиванов — Оболенский».

Иван Рябинин — литературный герой, структура которого почти полностью традиционна. Имя, по П. А. Флоренскому, «самое русское», символизирующее «простоту и кротость» [Флоренский 2007: 10]. Портрет богатырский («высокий, широкоплечий, кряжистый, силы и выносливости неисчерпаемой» (Повесть. С. 71); «статный, крепкий» (Повесть. С. 68)). Сравнения довершают, уточняют портретное описание русского богатыря, который по рождению получил огромную силу земли: «как кедр-дубняк» (Повесть. С. 81), «похож на медведя» (Повесть. С. 73). Сказочная его сила подчеркивается в давней легенде — «мальчишкой вытащил из болота корову за рога» (Повесть. С. 73). Служение тоже богатырское: был Иван «непри-

миримым, упрямым охранником рябиновской тайги», бежавшим суетной жизни защитником «таежной мудрости» (Повесть. С. 68).

И судьба богатырская начиналась со сказочной любви к заморской «светловолосяй царевне-лебедь» (Повесть. С. 136), «беленькой, светленькой, с косой до пояса» (Повесть. С. 102), выразившейся не в любовной страсти, а в чистоте созерцания, уничтоженной неумолимыми тюремщиками. Встреча лебедушки и богатыря становится зачином жизненного пути в соответствии с формулой Г. П. Федотова: «Чтобы жить, человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и с землей. Это значит в то же время, что он должен найти себя самого, свою глубину и свою укорененность в обоих мирах: верхнем и нижнем» [Федотов 1992: 250]. Хотя путь этот складывался не по эпическим, а по трагедийным законам.

Очевидно, что сказочный канон, подчинивший себе повествование о встрече лебедушки и богатыря, принципиально изменен. Безоблачного счастья, гармоничного соединения двух начал русской жизни, исторического (воплощением которого был дворянин, белый офицер, князь Оболенский) и народно-поэтического (представленного в установочном описании Рябинина) не случилось, лебедушка погибает, сын в детском доме вырастает не Иваном, как матери грезилось, а «Ванькой» (Повесть. С. 191), как признает после смерти отца Ваньки Оболенского Селиванов.

В неволе, в мученической жизни восстанавливаются связи Ивана Рябинина с Господом, в снах — иррациональное прозрение героя. Истинное открытие собственной сути, по Бородину, происходит поздно и в бесчеловечных условиях, поэтому душа Ивана не смогла напитаться той жизненной силой, которая дала бы возможность преодолеть грядущие испытания. Для прощания с этим миром он приходит в тайгу. Вопреки собственным ожиданиям и многочисленным знакам, оставленным незваными пришельцами по обочинам его тропы, на мгновение ощущает родовое сходство с ними — с новыми богатырями. Захотел помочь им проложить новую тропу и в заповедных местах новое зимовье поставить. Но веселая, бездумная демонстрация молодого «механистически-машинного» (Н. А. Бердяев) могущества лишила его этих намерений. Как и положено, в последние минуты на этой земле сознание высветлило страшные картины человеческой жестокости:

Картины мелькнули перед глазами, ослепили, обожгли и вырвали с корнем сердце... Взмахнув топором, Рябинин кинулся на ближайший бульдозер... Топорик с резиновой ручкой отскакивал от металла, пока не попал на стекло. Вместе с осколками рухнул на землю Иван Рябинин (Повесть. С. 179).

Но до страшного, неукротимого порыва ярости Ивана Рябинина не стало: «Когда же взлетел на гриву, сердце взлетело... и потянуло за собой ввысь» (Повесть. С. 178). Так состоялось восстановление целостности бытия, и открылись ему «новые пространства и времена» (В. Н. Топоров).

Идеальное в характере русского богатыря, прошедшего вслед за автором в стремлении к правде крестный путь, зафиксировал Селиванов в описании товарища, с которым он мечтал всю жизнь пройти плечом к плечу: «...чтоб человек был силен и добр, верен и надежен, умен и не болтлив... умел быть близким и не надоедал... чтобы не опасен был человек для твоего спокойствия» (Повесть. С. 81).

Совсем иное дело сам Селиванов — герой, в популярной типологии — трикстер. Характер Андриана Никаноровича Селиванова создается по лекалам психологической прозы, подарившей читателям за многие десятилетия уникальные социальные типы. Портретно полная противоположность Рябинина: «невысокого роста, щуплый, пронырливый», «косой» (Повесть. С. 71), «хилый и худосочный» (Повесть. С. 81), «сучок трухлявый» (Повесть. С. 71). Одним словом — «мужик не внушительный» (Повесть. С. 112), хитрец, притворщик по рождению, притворщик вдохновенный, изначально склонный к «лукавству», «радость жизни» которого состоит в стремлении «жить по своему желанию и прихоти» (Повесть. С. 79). Правда, обеспечивалось, оправдывалось это стремление высоко ценимой в русском мире «неудержимой удалью» (Повесть. С. 100), «деловитостью» (Повесть. С. 130), «естественным союзом» с тайгой (Повесть. С. 109).

Чрезвычайно значительны ассоциативные концепты, подчеркивающие и углубляющие отношения этих персонажей. Первый — «рябина». Фамилия центрального персонажа, проживавшего в Рябиновке, — Рябинин. Основная деталь окружающего героя деревенского пейзажа — рябина в каждом «проулке и каждой усадьбе, краса и удовольствие для деревни» (Повесть. С. 65). При изображении жилища Ивана Бородин подчеркивает, что дом окружен был рябинником. Специалисты утверждают, что рябина связана «с темой проклятия..., трагической судьбой», напоминают о том, что у славян существовал «достаточно регулярный запрет сажать рябину возле дома»: «У кого рябина — у того несчастье», хотя есть легенды, которые закрепляют и защитную функцию этого дерева-апотропея. Дом Ивана 25 лет скрывал и сохранял рябинник [Агапкина 2009: 516].

Трагический отсчет времени начался со столкновения с «гадом бровастым» (прецедентная деталь, семантика которой открыта любому читателю, пережившему эпоху застоя), к которому не знающий компромиссов егерь стал «приставать с законом» (Повесть. С. 150). Результат — несправедливый суд:

«Закричал Иван в суде лихим голосом о правде... но распилили человека пополам, душу распилили в день цветения, в день радости.

И приснился Ивану странный сон, будто вырастает на его таежной тропе колючая проволока, которую не обойти, дом превращается в темницу, из которой не найти выхода к свету, «а вся земля — одни круги и квадраты заборов и запреток!...» (Повесть. С. 151). Весь мир, люди, населяющие его, «искажаются силой неправды!» И тогда на помощь ему приходят «люди из другого мира... — без конца и края, без начала и конца» (Повесть. С. 152), люди, открывшие ему глаза на жизнь, пребывавшую в нем «неуслышанной и неувиденной» (Повесть. С. 153).

Обретение веры ярче всего проявляется в изменившемся облике героя. Селиванов, с некоторой завистью называвший когда-то товарища то *кабаном*, то *лосем*, то *битюгом*, то *верзиллой*, то *медведем*, а то *молчуном-бугаем*, после 25-летней разлуки при свете лампы уловил «жутковатое сходство»:

На нем была рубаха навывпуск, перекрытая белой бородой, серебрившейся в свете лампы каждым волоском. На голове — необычный расчес волос, во всей фигуре особый склон плеч. Но главное — лицо. Оно было не просто спокойное, а как бы нездешнее, несущее в себе такие тайны, которых ни касаться, ни разгадывать было нельзя (Повесть. С. 137).

Это сходство поразит молодого художника — случайного попутчика в иркутском поезде, заставит затихнуть скандальную городскую продавщицу, остановит парней-бульдозеристов, прорывавшихся к рябининскому заветному зимовью. Примерно так же придет однажды к герою распутинского «Видения» Николай Чудотворец в знак обретения уникального состояния энтелехии. Но у Бородина это, скорее, преподобный Серафим Саровский — «русский богатырь из Курска», который после перенесенных им несправедливых обид и болезни, исцеленный Пресвятой Девой, «преодолеl все ступени человеческого совершенствования», превратившись «в удивительно светлого старца, духоносного наставника всей России» [ЭПС: 147–148]. Хотя если бы не серебро в волосах да особая стать, можно было бы обнаружить и определенное сходство с особенно почитаемым писателем «великим подвижником православия», предсказавшим «краткое время царства антихриста», — Иоанном Кронштадтским» (Без выбора. С. 255–257).

В структуре образа хулигана и браконьера Селиванова — совсем иные семантические доминанты. Сам герой сердится, когда путают его имя, заменяя его «городским» вариантом *Андрей* ('мужественный, храбрый' [Тихонов и др. 1995: 47]), словно утверждая знаменитую формулу П. А. Флоренского «По имени и житие». А фамилия Селиванов от имени предка Селивана — Бога лесов, полей и стад, лесной [Тихонов и др. 1995: 311]). Его дерево — береза, то «березовый батожок» оказывается в руке, то, готовясь к важной встрече, присядет он на «березовую колодину», то волокушу перемотает «березовыми прутиками», то в «березняке» пытается скрыться от погони... «Береза в мифологическом сознании воспринималась двойственно: с одной стороны, как дерево, дающее силу и здоровье, «счастливое», с другой стороны, как опасное, связанное с душами умерших и нечистой силой» [Русская мифология: 228].

Понятно, что не в Селиванове, а в Рябинине, в его судьбе с наибольшей очевидностью проступают автобиографические черты. Но Селиванову Бородин передал сокровенное ожидание экзистенциальной поддержки, потребность в которой, с точки зрения писателя, с наивысшей подлинностью была выражена его любимым поэтом Н. С. Гумилевым:

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине (Без выбора. С. 282).

Именно Селиванова реабилитирует Николай Александрович (прецедентное в данном случае имя — имя последнего российского императора!) Оболенский — Рюрикович, потомок древнейшего рода, берущего начало от князей черниговских, подарившего России видных государственных и военных деятелей. Оболенский — как воплощение исторической России, потерявшей себя в годы эсхатологических испытаний; его дочь и внуки объективируют, проявляют глубинное, онтологическое родство Рябинина и Селиванова. Старший Оболенский признал их «людьми еще русскими» (Повесть. С. 105). Это почувствовал человек, вернувшийся в Россию, чтобы умереть на родной земле. Но его собственная дочь, спасенная «хитрым, расчетливым таежным добытчиком» (Без выбора. С. 431), стала несостоявшейся

рябининской надеждой на продолжение идеальной жизни в соответствии с высоким человеческим предназначением. А выросший в детском доме, сохранивший из всего великого прошлого пародийно звучащую по отношению к нему фамилию внук может уничтожить последние добрые чаяния Селиванова.

В данной Оболенским общей характеристике Рябинина и Селиванова — значительные смыслы. Как это ни парадоксально звучит, их понимает Селиванов. Он интуитивно ощущает необходимость объединения с Рябининым, который в новых жизненных условиях больше нуждается в защите, чем он сам. Его необъяснимо притягивает Оболенский, перед дочерью и внуками которого он чувствует свои обязательства.

Пространство, в котором волею судьбы сойдутся Рябинин, Селиванов, Оболенский — тайга, своеобразный «потенциальный образ», не поддающийся логическому определению [Аскольдов 1997; Миллер 2004; Красовская 2009]. Для миллионов людей это существительное обладает предметным значением — «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [ССРЯ: 818]. Но у Бородина *тайга* — художественный концепт, который несет в себе не только индивидуально-авторские семантические компоненты, но и «априорные смыслы и значения, принадлежащие национальной эстетической традиции» [Миллер 2004: 164]. Для Рябинина и Селиванова тайга — место изначального существования многих поколений, пространство выживания. Это ядро огромного «байкальского мира» (Повесть. С. 68) — одухотворенного, имеющего антропоморфный облик, всевидящего и всеслышающего пространства, которое онемело после смерти отца Людмилы (Повесть. С. 119).

Сибиряк Бородин признавался: «...в моей привязанности к байкальским местам было нечто чрезвычайно счастливое, и это с очевидностью выявлялось всякий раз, как удавалось попасть в родные места: я получал реальную поддержку для продолжения жить и быть самим собой, то есть быть таким, каким я мог себе нравиться» (Без выбора. С. 208). Именно поэтому в своей исповеди писатель назовет тайгу «полем духа, единого национального духа». Только на периферии «байкальского мира» — Иркутск, за которым «тесный и шумный мир», созидаемый людьми, которых Селиванов «не уважал, презирал даже» (Повесть. С. 80), мир «небайкальский» (Без выбора. С. 210).

А единый центр тайги для Селиванова и Рябинина — Чехардак, заповедный, труднодоступный, скрытый от постороннего глаза, разместившийся «промеж трех грив» (Повесть. С. 86).

«Если с главной гривы смотреть на таежные сопки, внизу походили они на пьяных мужиков, прыгающих друг через друга в дурацкой забаве — чехарде» (Повесть. С. 126).

Чехардак — вариант «оси» мироздания, столпа («брус во всю Русь»), «золотой горы» соединяющей преисподнюю, землю и небо, с которой может начаться освоение пространства по вертикали и по горизонтали — «круговой охват пространства» [Черная 2008: 70]. Именно поэтому Бородин приведет умирать на Чехардак Оболенского, олицетворяющего уже потерянную часть нации, носителя утраченной части общей национальной правды, как справедливо, на наш взгляд, считает Т. А. Никонова. Совсем не случайно именно здесь полковник Бахметьев передаст свое оружие отцу Селиванова — словно для защиты удивительного природного

пространства, которое ни при каких условиях до сей поры не подчинялось земной власти.

Ведущая к сердцевине этого мира тропа как естественная возможность освоения пространства по горизонтали связана с образом жизни героев. При определенном сходстве этот образ жизни имеет значительную разницу. Иван Рябинин проложил и скрыл от чужих глаз свою тропу, чтобы дышать таежным воздухом, хвоей кедровой, мхами брусничными. При этом он живет в постоянной готовности подарить новому, мудрому, рачительному, бережливому хозяину великие природные богатства. Именно поэтому с такой готовностью и так опрометчиво он делает шаг навстречу трактористам-«мазурикам».

Селиванов же мечтает о том, чтобы сердце тайги — нечто «целое, единое и живое» — принадлежало только ему. Часто ему казалось, что только с его присутствием «обретала тайга полноту лица и цельность сути» (Повесть. С. 109). Хотя в стремлении властвовать над тайгой он, как и его предки, не растратил способности к разговору с ней — «бесконечному и доброму» (Повесть. С. 180). Совсем не случайно не Ивану, а Селиванову принадлежат очень значительные в этом отношении слова: «...небо само и есть то место, где живет человек вместе с землей и со всем, что на ней и вокруг него» (Повесть. С. 125).

В сознании Селиванова воплощена, по сути, языческая модель мироустройства. И такое мировидение вполне допускает блестяще спланированное преступление во имя сохранения сакрального центра — Чехардака. В основе его добрых поступков и преступлений — та самая «первобытная духовность», поднимающая человека «над биосоциальными инстинктами, утверждающая непререкаемость абсолютных начал и непреложность идеального — как действующую силу миропорядка» [Плеханова 2019: 14]. При очевидной оторванности Селиванова от глубин человеческого бытия, которые открыты, например, Оболенскому и открываются Рябинину, его прорыв к глубинам национального самосознания возможен. О вероятности, допустимости такого движения написано уже много. Р.Штайнер, К. Г. Юнг предполагали, что «первобытная духовная реальность в своей основе является христианской» [Дандес 2003: 68]. Совсем недавно опубликована работа М. Ю. Елеповой, посвященная героине «Чистой книги» Ф. А. Абрамова Махоньке — персонажу, онтологически родственному Ивану Рябинину, распутинской старухе Дарье, многим героям В. И. Белова и В. П. Астафьева. Авторитетный исследователь утверждает: «То, что внешне представляется как атавизм язычества, на самом деле оказывается трансцендентально связанным со сложнейшими вопросами христианской патристики. Еще Достоевский, по мысли А. В. Моторина, видел в русском язычестве черты первобытной праведности “которые, будучи преображенными христианским духом, удержались и после принятия крещения. Знаменательно, что буквально последней цельной мыслью Алеши Карамазова в последнем романе писателя стала именно мысль о таком преемстве между языческой (точнее — первобытной, сохранившейся в язычестве) и православной праведностью...”» [Елепова 2020: 25]

Хотя в случае Селиванова, в силу его природных качеств, многих трагических обстоятельств, повлиявших на становление его натуры, такое движение требует особой, очень мощной поддержки. Именно отсюда тоска этого персонажа по подлинному бытию — по другу, по неодинокости, интуитивная тяга к Ивану, к Оболенскому.

Было бы вполне естественно, если бы бывший политический заключенный Бородин объяснил все произошедшее с его героями новым российским государственным устройством. Но особое писательское зрение, жизненный опыт дали ему возможность увидеть происходящее в глобальном контексте. Именно поэтому актуализируемая Селивановым проблема государственной власти — сюжетная периферия. Рябинин, семья и четверть века жизни которого были уничтожены государственной машиной, о государстве почти не вспоминает. Отношение героев Бородина близко к бердяевскому пониманию государства как неизбежного зла. В их представлении государство не является инструментом идеального мироустройства. Они мечтают о первенстве закона, жизненность и справедливость которого проверена веками. «И ежели живут мужики, так закон меж их сам устанавливается!» — так считает Селиванов. И аргументы в пользу собственного понимания закона, не ограничивающего свободу и самостоятельность человека, приводит веские: «Ежели ты дом ставишь, то у моего дерево валить не будешь, и мысли такой не придет. Это закон! А человек не должен жить по закону, который не будет соблюдаться без револьвера» (Повесть. С. 94).

Звучит как иллюстрация к известным работам К. С. Аксакова и И. С. Аксакова, в которых утверждалось, что русский народ «негосударственный» по духу, его представление о праве опирается на православные устои и природный порядок жизни, что силу славянского государства «составляют народные установления, а не бюрократические формы правления» [Аксаков 2015: 249]. Вспоминается идея идеального мироустройства по А. П. Платонову, также требовавшему подчинения естественному ходу вещей, который поддерживается вековым жизненным укладом, соответствует природному и человеческому закону, ибо свободен человек только тогда, когда он живет по закону, который понимает и принимает.

И тут же уточнение Ивана, обладающего не только родовой памятью, но и уникальной интуицией, которая в конце его жизни укрепляется верой, сохраняющей прообразы вещей, дающей человеку «наиболее полную, устойчивую, наиболее древнюю систему ценностей» [Гулыга 1995: 29]: «А на что она, воля... когда без облика человечьего останешься. Она звериная воля, получается?» (Повесть. С. 142).

Если попытаться оценивать жизнь героев Бородина рационально, по законам логики, то придется признать, что единственный из выживших — Селиванов — не просто выжил, а вырастил дочь Ивана, сохранил рябининский дом, пытается вернуть к жизни внука своего товарища. Опять напомним о точке зрения Т. А. Никоновой, сравнившей Селиванова с солженицынским Иваном Денисовичем [Никонова 2016].

И кажется, Селиванов прав, когда задает почти в финале беспощадные вопросы: «А что Иван сделал за свою жизнь путного? Кто больше сделал добра?» (Повесть. С. 166). Правда «ловкого» и «хитрого» Селиванова принадлежит вполне определенному историческому времени, маркируется не менее определенными земными событиями и фактами. Но, замечает Бородин, «путался» он всю жизнь, «словно кляча в порванной упряжке» (Повесть. С. 144). А в финале не допускается в небесное пространство, к другу, которому была предназначена принципиально иная траектория развития на основании отождествления истинной жизни с чистой совестью. Более того, после последнего прощания с Рябининым Селиванов вместе с Ванькой Оболенским, героем, имевшим абсолютно реальный прототип, названным Бородиным

«персонажем не просто значительным, но и значимым» (Без выбора. С. 431), «побежали от дома в сторону тракта. Громадный скотовоз заглотнул их в свою кабину и помчал прочь от солнца, которое перед заходом цеплялось за вершины сосен» (Повесть. С. 186). Несколько метафор использует Бородин для безжалостной оценки возможного селивановского будущего. Не на своей тропе Селиванов будет завершать жизнь, мчится вместе с младшим Оболенским вперед по широченному тракту на громадном скотовозе. И еще одна важная деталь — направление этого бешеного движения: «громадный скотовоз заглотнул их в свою кабину и помчал прочь от солнца» (Повесть. С. 186). Трагическое, эсхатологическое, но естественное движение после огромной череды потерь, случившихся в процессе выживания.

Выводы

Велик соблазн это приближение к трагическому финалу принять за знак окончательного крушения надежд на обретение «третьей правды» — *правды-справедливости*. Но аксиологическая суть сюжета повести все-таки сложнее, она выше его событийной основы. На наш взгляд, положительная идея Бородина раскрывается в удивительных и трагических «скрещеньях» судеб его героев. С одной стороны, Бородин уловил и зафиксировал в судьбах ключевых персонажей приближающееся завершение героического этапа национальной истории. Символом этого завершения стала гибель и вознесение богатыря Рябинина — сказочного героя, за всю свою многотрудную жизнь «души не замаравшего», но не выдержавшего прямого столкновения с «железным» веком (Повесть. С. 144).

Не принадлежит будущее и Оболенским. Потомок знаменитого княжеского рода и русского богатыря Иван Оболенский исчезнет из поля зрения Селиванова, растворится в темноте. И сестра его Наташа Оболенская — провинциальная учительница, в которой почти ничего не осталось от ее прекрасной матери.

На первый взгляд, энергией преодоления судьба наделила только Селиванова. Ему удалось преодолеть многие свои страхи и предубеждения, удалось заслужить любовь родной дочери Ивана Рябинина, логический результат его жизни — целый список добрых дел. Но именно в этой судьбе отразился весь трагизм новой, той самой «городской» реальности, подавляющей национально-исторические инстинкты, деформирующей аксиологические основы бытия. Бородин уловил в истории жизни и передал в бесконечных мучительных сомнениях именно этого персонажа множественные проявления нового содержания векового конфликтного диалога православия и индивидуализма, которое до него фиксировали только философы, писавшие о том, что «никогда еще в истории человек не становился настолько проблематичным для себя», как на излете XX в. [Шелер 1988: 31]. Эта проблематичность и в неспособности осознать последствия своих дел и поступков, которые демонстрируют новые покорители Сибири, и в смысле самоуничтожающей рефлексии, которой всю жизнь терзается Селиванов, утративший способность веры, не единожды преступивший природный закон в желании выжить.

Хотя, наверное, еще важнее в трагических судьбах Оболенского, Рябинина и Селиванова печальное завершение размышлений о возможности обретения человеком в новых социальных и исторических условиях той степени свободы, которая дает «сыну неба и земли» (Повесть. С. 126) возможность жизнеустроитель-

ства в соответствии с «третьей» — читай, подлинной и единственной — правдой, предполагающей совмещение «Божьей воли, природно-космического и естественно-исторического начал» (Ю. Н. Давыдов). Обретение правды как нравственного идеала героями Бородин так и не состоялось. И писатель их не судит, не обвиняет, а лишь констатирует факт, потому что любая попытка индивидуального человеческого противостояния цивилизационному выбору почти бесплодна. Цивилизация уничтожает время, лишая человека исторической памяти — канула в Лету правда Оболенского. Цивилизация выталкивает человека из создаваемого десятилетиями пространства — «мазурикам» не доступна правда Рябинина. Цивилизация милует человека с волей, отказавшегося от веры, подавляемой инстинктом самосохранения — Селиванов в конце концов начинает движение по общему «тракту», по которому несутся в неизведанное будущее «рожденные в трясиных суеты рабы машин и золота рабы» (Без выбора. С. 441). В понимании новой реальности Бородин невероятно близок к В. М. Шукшину, жившему той же мукой.

Но попытка Бородин сделать всеобщим достоянием его собственное представление о правде «как этическом выборе в пользу справедливости» — один из знаков сохранения ментального пространства России — пространства активного духовного поиска, осуществляемого в стремлении к справедливости под сенью нравственного закона, формировавшегося на всем протяжении национальной истории.

Источники

Бородин 1990 — Бородин Л. И. *Повесть странного времени: Повести*. М.: Современник, 1990. 399 с.
Бородин 2003 — Бородин Л. И. *Без выбора*. Автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. 505 с.

Справочная литература и учебные пособия

Русская мифология — *Русская мифология*. Энциклопедия. Мадлевская Е. (сост.). М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2006. 784 с.
ССРЯ — *Словарь современного русского языка*. Кузнецов С. А. (гл. ред.). СПб.: Норинт, 2006. 960 с.
Тихонов и др. 1995 — Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. *Словарь русских личных имен*. М.: Школа-Пресс, 1995. 736 с.
Целовальников 2005 — Целовальников А. Н. *Бородин Л.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь. Т. 1. СПб: Олма-Пресс Инвест, 2005. С. 265–268.
ЭПС — *Энциклопедия православной святости*. В 2 т. Т. 2. М.: Лик пресс, 1997. 367 с.

Литература

Агапкина 2009 — Агапкина Т. А. Рябина. В кн.: *Славянские древности: в 5 т. Т. 4*. М.: Международные отношения, 2009. С. 514–519.
Аксаков 2015 — Аксаков И. С. *Славянский вопрос*. Кн. 1. СПб.: Росток, 2015. С. 249–253.
Амальрик 1969 — Амальрик А. *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?* <https://www.litmir.me/bg/?b=50674&r=1> (дата обращения: 31.06.2020).
Аскольдов 1997 — Аскольдов С. А. Концепт и слово. В кн.: *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология*. Нерознак В. П. (ред.). М.: Academia, 1997. С. 267–279.
Гулыга 1995 — Гулыга А. *Русская идея и ее творцы*. М.: Соратник, 1995. 307 с.
Дандес 2003 — Дандес А. Регрессивный принцип в теории фольклора. В кн.: Дандес А. *Фольклор: семиотика и/или психоанализ*. М.: Восточная литература, 2003. С. 57–71.

- Елепова 2020 — Елепова М. Ю. «Чистая книга» Федора Абрамова: к философии романа. В сб.: *Творчество Федора Абрамова в контексте эпохи*. Материалы Международной научной конференции «Братья и сестры» в русском доме: творчество Федора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI. Архангельск, 2020. С. 15–25.
- Казанцева 1999 — Казанцева И. А. *Проза Л. Бородин: философский аспект*. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комс.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 1999. 112 с.
- Красовская 2009 — Красовская Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования. *Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика*. 2009, 9 (4): 2–24.
- Миллер 2004 — Миллер Л. В. *Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира. На материале русской литературы*. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
- Никонова 2016 — Никонова Т. А. «Платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни». М. Булгаков. В сб.: *Русская литература XX века. Ч. 1. Человек и художественная реальность в литературе 1890–1940-х годов*. 2-е изд., ипр. и доп. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2016. С. 383–396.
- Плеханова 2019 — Плеханова И. И. *Принципы художественной игры Петрушевской*. М.: Флинта, 2019. 124 с.
- Свирский 1979 — Свирский Г. Ц. *На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946–1976)*. Лондон: Новая литературная библиотека, 1979. 621 с.
- Серафимова 2018 — Серафимова В. Д. *Поэтика прозы Л. И. Бородин: диалог с культурным пространством*. М.: ИНФРА-М, 2018. 100 с.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Топоров 2014 — Топоров В. Н. *Мифология*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 536 с.
- Федотов 1992 — Федотов Г. *Судьба и грехи России (Философско-историческая публицистика)*. Т. 2. М.: София, 1992. 381 с.
- Флоренский 2007 — Флоренский П. *Имена*. СПб: Азбука-Классика, 2007. 333 с.
- Цветова 2018 — Цветова Н. С. Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен. *Вестник Воронежского университета. Серия Филология. Журналистика*. 2018, (2): 66–71.
- Цветова 2020 — Цветова Н. С. «Абрамов был впереди своего времени...». *Творчество Федора Абрамова в контексте эпохи*. Материалы Международной научной конференции «Братья и сестры» в русском доме: творчество Федора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков. Архангельск, 2020. С. 73–81.
- Черная 2008 — Черная Л. А. *Антропологический код древнерусской литературы*. М.: Языки славянских культур, 2008. 463 с.
- Шелер 1998 — Шелер М. Положение человека в Космосе. В кн.: *Проблема человека в западной философии*. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.

Статья поступила в редакцию 18 августа 2020 г.
Статья рекомендована к печати 13 сентября 2021 г.

Natal'ia S. Tsvetova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
n.tsvetova@spbu.ru

Leonid Borodin in search of the *third truth*

For citation: Tsvetova N. S. Leonid Borodin in search of the *third truth*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 697–712. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.404> (In Russian)

The article is devoted to the semantic structure and poetics of Leonid Borodin's Novella *The Third Truth*. The author attempts a holistic reading of the work through the use of current

methods of mythopoetic analysis. Attention is focused on the meaning of the name, on key artistic concepts and character series Riabinin — Selivanov — Obolenskii. The artistic concept of taiga, which is ontologically important for Siberian writers and makes it possible to convey a characteristic attitude towards the world, is called the basic idea. Borodin managed to fix the approaching end of the heroic stage of national history in the relationships of key characters; he managed to show in Selivanov's fate the reflection of the tragedy of the new, "urban" reality, which suppresses national-historical instincts, deforming the axiological foundations of existence. The author believes that the most important thing for a writer in the tragic fates of Riabinin, Selivanov, Obolenskii is the denial of the possibility of finding a man in new social and historical conditions, the degree of freedom, which gives the "son of heaven and earth" the possibility to build life in accordance with the "third", namely, the real and only truth, implying a combination of "God's will, the beginning of natural-space and natural-historical principles" (Iurii Davydov). None of the heroes of *The Third Truth* are able to overcome civilizational pressure. The way out of the civilizational conflict is seen only in the choice of the author's life strategy, which is determined by the understanding of truth as an ethical choice in favor of justice.

Keyword: L. I. Borodin, *The Third Truth*, hero-trickster, character series, civilizational choice.

References

- Агапкина 2009 — Agapkina T. A. Rowan. In: *Slavyanskii drevnosti: in 5 vols. Vol. 4.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. P. 514–519. (In Russian)
- Аксаков 2015 — Aksakov I. S. *Slavyanskii vopros.* Book. 1. St. Petersburg: Rostok Publ., 2015. P. 249–253. (In Russian)
- Амальрик 1969 — Amal'rik A. *Will the Soviet Union last until 1984?* <https://www.litmir.me/br/?b=50674&p=1> (accessed: 31.06.2020). (In Russian)
- Аскольдов 1997 — Askold'ov S. A. Konzept and word. In: *Russkaia slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta.* Antologiia. Neroznak V. P. (ed.). Moscow: Academia Publ., 1997. P. 267–279. (In Russian)
- Гулыга 1995 — Gulyga A. *The Russian idea and its creators.* Moscow: Soratnik Publ., 1995. 307 p. (In Russian)
- Дандес 2003 — Dandes A. Regressive princip in the theory of folklore. In: *Dandes A. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz.* Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2003. P. 57–71. (In Russian)
- Елепова 2020 — Elepova M. Yu. Fedor Abramov's "Chistaya kniga": towards the philosophy of the novel. In: *Tvorchestvo Fedora Abramova v kontekste epokhi. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii "Brat'a i siostry" v russkom dome.* Arhangel'sk, 2020. P. 15–25. (In Russian)
- Казанцева 1999 — Kazantseva I. A. *The prose of L. Borodin.* Komsomolsk-na-Amure: Izdatel'stvo Komsomol'sk-na-Amure pedagogicheskogo universiteta Publ., 1999. 112 p. (In Russian)
- Красовская 2009 — Krasovskaya N. V. Artistic life concept: research methods and technics. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnal'stika.* 2009, 9 (4): 2–24. (In Russian)
- Миллер 2004 — Miller L. V. *Linguo-cognitive mechanisms for the formation of an artistic picture of the world. Based on the material of Russian literature.* Thesis for D.Sc. in Philological Sciences. St. Petersburg, 2004. 303 p. (In Russian)
- Никонова 2016 — Nikonova T. A. "To pay for the past with incredible labor, the severe poverty of life". M. Bulgakov. In: *Russkaya literatura XX veka. Vol. 1. Chelovek i xudozhestvennaia real'nost' v literature 1890–1940-kh godov.* 2nd ed., rev. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016. P. 383–396. (In Russian)
- Плеханова 2019 — Plehanova I. I. *Principles of artistic play by L. Petrushevskaya.* Moscow: Flinta Publ., 2019. 124 p. (In Russian)
- Свирский 1979 — Svirskii G. Ts. *On the frontal place. Literature of moral resistance (1946–1976).* London: Novaia literaturnaia biblioteka Publ., 1979. 621 p. (In Russian)
- Серафимова 2018 — Serafimova V. D. *Poetic of prose by L. I. Borodin: dialogue with the cultural space.* Moscow: INFRA-M Publ., 2018. 100 p. (In Russian)

- Степанов 1997 — Stepanov Yu. S. *Constant. The Dictionary of Russian Culture. About Exploring*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 824 p. (In Russian)
- Топоров 2014 — Toporov V.N. *Mythology*. Vol. 2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014. 536 p. (In Russian)
- Федотов 1992 — Fedotov G. *The fate and the sins of Russia (Philosophical and historical journalism)*. Vol. 2. Moscow: Sofii Publ., 1992. 381 p. (In Russian)
- Флоренский 2007 — Florensky P. *The Names*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 2007. 333 p. (In Russian)
- Цветова 2018 — Tsvetova N. S. Russian traditional prose of the second half of the 20th century as a historical and literary phenomenon. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 2018, (2): 66–71. (In Russian)
- Цветова 2020 — Czvetova N. S. “Abramov was ahead of his time”... *Tvorchestvo Fedora Abramova v kontekste epokhi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Brat'ia i sestry v rusском dome: tvorchestvo Fedora Abramova v kontekste literaturnoi i obshchestvennoi zhizni XX–XXI vekov*. Arkhangel'sk, 2020. P. 73–81. (In Russian)
- Черная 2008 — Chernaya L. A. *Antropological code of Russian Literature*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. 463 p. (In Russian)
- Шелер 1998 — Sheler M. The position of man in space. In: *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii*. Moscow: Progress Publ., 1988. P. 31–95. (In Russian)

Received: August 18, 2020
Accepted: September 13, 2021